

("Вопросы философии", 1968, № 11)

Статья Д.И.Дубровского "Мозг и психика", опубликованная в номере 8 журнала "Вопросы философии", вызвала у меня не только желание поспорить, но и удержаться в ходе этого спора в рамках предложенного им тона. По этой причине мне кажется необходимым перечислить те пункты, по которым ни я, ни, насколько я понимаю, Ф.Т.Михайлов спорить с автором статьи "Мозг и психика" не собираемся, поскольку по этим пунктам мы совершенно с ним согласны. Сделать это нужно не ради академической вежливости, а именно ради того, чтобы яснее обозначить действительные узлы расхождения между нашими позициями, а затем предоставить читателю решить, какой путь кажется ему предпочтительнее.

"Хранимая личностью информация, выражающая её жизненный опыт, свойственные ей особенности эмоциональной и интеллектуальной оперативности, все её высшие психические регистры так или иначе фиксированы в её головном мозгу, воплощены в специфической организации мозговых систем, подсистем и элементов", - пишет Д.И.Дубровский.

Тут мы с удовольствием зафиксируем полное сходство наших взглядов. Мы тоже думаем так и признаём за Д.И.Дубровским заслугу довольно точного перевода старой и мудрой мысли Спинозы на язык современной науки. Верная, бесспорная для каждого материалиста мысль. Более того, возьмём на себя смелость предположить, что в этом пункте с нами не стал бы спорить и Гегель. Он так же думал, выражаясь, правда, несколько более старомодно, что наличная "нейродинамическая архитектура" индивидуального мозга есть "своего рода производная" отчасти "от генетически заданных церебральных особенностей данного индивида", отчасти - от его, если можно так выразиться, "социально-биографической траектории". Об этом можно прочесть в "Феноменологии Духа", где то же самое сказано так: "Что обстоятельства и отношения, в которых находится индивидуум, придают его судьбе именно это, а не какое-либо другое направление, заложено не только в самих этих обстоятельствах и отношениях, в их своеобразии, и не только в общей природе индивидуума, но в то же время и в его особенности" (Гегель. Соч., т.3, стр.139). Иначе индивид стал бы Абсолютным Духом.

Правда, Гегель (может быть, потому, что он был идеалист?) добавлял, что "особенности" эти определяются не только "устройством головы" как преимущественного органа мышления, но также и особенностями устройства многих других органов. История показала, что в данном пункте Гегель был не совсем неправ и что эта роль "особенностей" морфологии тела в определении "социально-биографической траектории" может быть огромной, а то и решающей. Наиболее явно эта роль особенностей выступает на перекрёстках жизненной судьбы, в точках крутых изломов её "траектории". В известных - и слишком хорошо известных, чтобы пояснять, - условиях решающую роль в определении маршрута по жизни играли (и теперь кое-где играют) даже такие особенности, как форма носа и черепа, как цвет волос или кожи. В определении "индивидуальной судьбы" могут сыграть свою роль самые неожиданные факторы. Даже кирпич, свалившийся на голову.

Можно предположить, что аналогичную роль могут играть в жизни человека и унаследованные им тончайшие особенности нервной ткани, индивидуально-неповторимые вариации "нейродинамической архитектуры". Можно предположить далее, что эти вариации имеют какое-то отношение к различиям "задатков". Почему не предположить?

Беда лишь в том, что относительно связи этих микроструктурных различий с различиями "задатков" (а не "способностей", с которыми их путать ни в коем случае нельзя!) мы с Д.И.Дубровским, как и вся мировая наука, не можем высказать абсолютно ничего сколько-нибудь достоверно установленного. Тут мы обеими ногами стоим на зыбкой почве чистых гипотез, допущений и даже гаданий. А на этой почве нам очень не хотелось бы затевать публичный спор.

Ведь ясно, что можно тысячу лет дискутировать о том, в какой мере наличие того или иного задатка обусловлено генетически-врождёнными особенностями микроструктур головного мозга (а так же

некоторых других органов, например, уха и голосовых связок и т.д.), а в какой - индивидуально-неповторимыми переплетениями макро-и микрообстоятельств, оказавших формирующее воздействие на этот мозг в первые годы, месяцы и даже недели его жизни (т.е. как раз тогда, когда этот мозг и получает специфически человеческое оформление тех самых нейродинамических стереотипов, которые будут ответственны за высшие, "специально-человеческие", регистры психики возникающей личности), и не прийти ни к чему. (Этот спор вели двести лет тому назад Дидро с Гельвецием, но, несмотря на проявленное с обеих сторон остроумие, каждый так и остался при своём...)

Чтобы разрешить этот спор хотя бы в одном-единственном случае, пришлось бы проследить такое огромное количество причинно-следственных зависимостей как внутри, так и вне черепа этого индивида, что на это не хватило бы никакого времени. Попытка исчерпать индивидуальность неизбежно уводит поиск в бесконечность, названную когда-то "дурной". Это слишком очевидно, чтобы доказывать. Поэтому, когда Д.И.Дубровский спрашивает нас: "Чему обязан Моцарт своими гениальными музыкальными способностями? - генетической случайности? условиям общественной среды, упорной работе над собой? удачному стечению жизненных обстоятельств и вдумчивому наставнику?", - то на этот счёт, как это ни грустно, мы его любопытство удовлетворить не сможем. Нас утешает одно: вряд ли его когда-нибудь удовлетворит и вся мировая наука. Так что не будем затевать тут спор. Мы даже готовы снять этот спорный пункт в пользу нашего оппонента и принять допущение, что "генетическая случайность" сыграла тут свою роль, хотя и неизвестно, какую. Мы бы только поостереглись ставить её на первое место в ряду факторов, рождающих всемирно-историческую личность.

Хорошо. Примем, что этот "икс" входит в число условий задачи, и посмотрим, что из этого последует. Какими новыми перспективами вооружит науку это допущение и какое именно конкретное значение вообще сможет получить искомая величина при самых благоприятных ("оптимальных") условиях её отыскания? Поскольку индивидуальной генетической характеристики мозга автора "Волшебной флейты" научные архивы для нас не сохранили, роль этого фактора придётся исчислять косвенным путём. А именно, нам придётся списывать на его счёт все те черты Моцарта, которые в принципиальном пределе нельзя объяснить другим путём, допускающим объективно строгую научную констатацию и проверку. Ясно, что чем больше нам посчастливится выяснить на этом другом пути, тем меньше материала и поводов останется у нас для спекуляций насчёт "случайности" - будь то генетическая или ещё какая другая.

Чем больше мы будем знать научно о тех всеобщих условиях (как анатомо-физиологических, так и социально-исторических), при наличии которых вообще возможно рождение яркой индивидуальности, возможен расцвет личности масштаба Моцарта, тем меньше и меньше будет становиться та искомая величина, которую Д.И.Дубровский счёл возможным поставить на первое место. А она явно будет стремиться к нулю. И поскольку в чистый нуль она тоже, наверное, никогда не обратится, у Д.И.Дубровского всегда останется возможность говорить, что наука его гипотезу не опровергла. На этой стремящейся к нулю территории Д.И.Дубровский и будет держать оборону против наступающей на неё науки, той самой науки, которая когда-нибудь, несомненно, выяснит, при каких общих (как морфологических, так и социально-культурных) условиях младенец имеет возможность и надежду превратиться в личность, в яркую индивидуальность, в "талант".

А большего от Науки (пишем с большой буквы, чтобы подчеркнуть, что имеется в виду весь комплекс наук, имеющих отношение к делу) требовать нельзя и не нужно.

А вот на вопрос, получится ли из этого нормального новорождённого при нормальных культурно-социальных условиях Моцарт или Рафаэль, Пушкин или Эйнштейн, у научной нейрофизиологии ответа лучше не допытываться.

Очень худо, если мы возложим на нейрофизиологию обязанность определять (да ещё на основании генетического кода), по какой именно "социально-биографической траектории" надлежит направлять младенца: какому уже с колыбели предписать карьеру музыканта, какому - математика, а какому - космонавта, кого пустить в балерины, кого в портнихи.

Признаемся откровенно, мы очень критически относимся к самой идее составления гороскопов, к идее гадания на ещё не перебродившей гуще нервной ткани. Не могут тут достигнуть "научности" ни самые совершенные "математические методы", ни самые совершенные типологии и классификации церебральных особенностей, ни какие-либо другие чудеса науки будущего. И уж подавно недоверчиво склонны мы относиться к надежде на то, что такого рода гороскопы будут способствовать прогрессу рода человеческого.

Может быть, Д.И.Дубровский скажет нам, что он ничего подобного делать не хочет и что мы доводим его здравую мысль до абсурда, чтобы легче было дискредитировать её в глазах читателя? Ну что же, и на том спасибо. Но в таком случае пусть он разъяснит нам, а на что же ещё может годиться чаемая им точная и строгая классификация генетических и церебральных особенностей младенцев, скоррелированная с психическими различиями "задатков" и даже "способностей"?

Разумеется, с "типом" нервной системы считаться надо, учитывая его "особенности" при дозировке нагрузок на психику (а через неё на мозг), при определении режима работы и т.д.. Об этом мы действительно частенько забываем, и в результате получаются как психические (функциональные), так и нервные (морфологические) срывы и расстройства.

Однако с точки зрения "специфически человеческих функций" нервные системы различных типов совершенно равноценны. Проигрывая сангвинику в быстроте, флегматик компенсирует её основательностью, избавляющей его от необходимости исправлять допущенные в спешке оплошности, и т.д., так что итог в общем и целом получается у обоих один и тот же. Каждый тип обладает и своими "плюсами", и своими - неотделимыми от них - "минусами", и эти "плюсы" и "минусы" взаимно погашаются, нейтрализуются. Поэтому-то здоровый мозг любого типа в состоянии усваивать любую специфически человеческую способность, и "способных" людей жизнь в любом деле формирует из индивидов всех типов нервной системы. В этом отношении "особенности церебральной архитектоники" - а уж генетические и подавно - столь же безразличны (нейтральны), как и индивидуальные вариации внутри "особенностей" этой архитектоники. В скобках заметим, что речь тут может идти только о новорождённых, ибо "врождённые" особенности мозга можно наблюдать только тут. Уже через месяцы они будут замещены или, во всяком случае, "искажены" благоприобретёнными настолько, что вы не сможете отличить одни от других никакими, сколь угодно совершенными, методами. Визуально, под микроскопом, они будут одинаково выглядеть как "индивидуально-неповторимые вариации" в пределах одной и той же нормы. И если эти вариации за пределы сей нормы выходить не будут, то любой разумный врач-нейрофизиолог скажет вам, что не видит повода для своего вмешательства. Скажет, что его дело - лечить заболевший мозг, а не лезть своим скальпелем в нормальный. Нормальный и сам разовьётся, были бы соответственными все остальные, вне мозга находящиеся, условия.

Вообще превращать нейрофизиологию в орудие фуркации и селекции младенцев правомерно - даже в фантазии - разве что в мире, построенном по модели Олдоса Хаксли, в "Прекрасном новом мире". Не приведи господь моим и Д.И.Дубровского внукам в таком мире родиться! В мире же, построенном по модели Маркса и Ленина, в коммунистически организованном мире, такая роль нейрофизиологии поручена, наверное, не будет. Надеемся, что с этим не будет спорить и Д.И.Дубровский. И мы, таким образом, обретём ещё один пункт полного согласия.

Но и независимо от этого у нас есть серьёзные, и притом самые научные, основания полагать, что та "типология и классификация церебральных особенностей", на основании которой Д.И.Дубровский надеется когда-нибудь делать научные заключения о профессиональной пригодности младенцев, так и не выйдет никогда из стадии "смутных намёков", на которой она, по его авторитетному свидетельству, находится сегодня. И не только по указанным причинам, а и в силу своего рода "дополнительности" патолого-анатомического исследования мозга и наблюдений над дальнейшей жизнедеятельностью его обладателя. Ведь сколько-нибудь полную картину интимного "строения мозга" можно получить только при условии, которое исключает возможность наблюдений над его живым функционированием. Говоря проще, ради составления гороскопа младенцу вы вынуждены [будете] этого младенца умертвить, дабы изготовить из его мозга нужный вам препарат.

Разумеется, Д.И.Дубровский может сказать, что наука и техника когда-нибудь сию роковую "дополнительность" преодолеют, и что человековеды грядущего смогут изучать таинственные глубины строения мозга человека, ничуть не нарушая средствами своего "структурно-функционального анализа" его нормальную жизнедеятельность. Ну что же, можно, разумеется, мечтать о создании такой аппаратуры, с помощью которой удастся следить за мозгом подопытного индивида так, что тот и подозревать не будет, что над ним проделывают. Но мечтания - мечтаниями, а факты - фактами. Поэтому оставим этот разговор до более счастливого будущего. Пока с указанной "дополнительностью" придётся считаться.

Перейдём теперь от младенцев к людям взрослым, о которых Д.И.Дубровский говорит, что у них "все нейродинамические (т.е. физиологические) отношения, ответственные за специфически человеческие психические явления, опосредствованы социальными факторами, формируются и реализуются только на их основе" (там же, стр. 132).

тут мы рады фиксировать ещё один пункт совпадения наших взглядов. А это и значит, что ни одна из специфически человеческих функций не может быть понята ни из генетически врождённых структур, ни из тех благоприобретённых структур, которыми они "обеспечиваются". Это и значит, что, как раз наоборот, все без исключения специфически человеческие функции мозга и обеспечивающие их структуры на сто процентов, а не на девяносто процентов и даже не на девяносто девять процентов определяются, а, стало быть, и объясняются, исключительно способами активной деятельности человека как существа социального, а не естественно-природного. В этом пункте различие между "социальным" (историческим) и "природным" в человеке с научной точки зрения должно проводиться с абсолютной строгостью. "Скальпель анализа" должен тут производить свой разрез по живому с такой же уверенностью и точностью, с какой режет скальпель хирурга, производящего операцию на живом сердце. Малейшая ошибка обойдётся и тут и там очень дорого, и "разрезанное" потом уже не удастся сшить никакими нитками, никакими рассуждениями. Чем острее скальпель, тем больше шансов восстановить потом живую конкретность.

Д.И.Дубровский пишет, что в настоящее время "происходит смещение и размывание некогда жёстких границ между разными системами понятий, умножается число логических переходов между ними, преобразующих постепенно эти системы в целом и подготавливающих формирование новой системы понятий" (там же, стр. 133). Да, такое размывание наблюдаешь часто. И особенно на границах, отделяющих "социальное" от "естественно-природного". А в результате вместо всё более и более чёткого обозначения границы - точки перехода одного в другое - получается какая-то невообразимая диффузия приблизительных представлений, которая происходит тем быстрее и легче, тем более расплывчатыми делаются эти представления.

В итоге всё превращается в кашу по обе стороны границы. Трудно назвать эту кашу "более широким теоретическим синтезом".

В данном случае в рассуждениях Д.И.Дубровского можно очень ясно проследить эту самую диффузию представлений о социальном и природном в человеке. Сказал человек очень верную вещь, с которой Ф.Т.Михайлов и Э.В.Ильенков совершенно согласны (что все, а не некоторые, "специфически человеческие" функции мозга и обеспечивающие их структуры определяются, т.е. формируются, социально обусловленной деятельностью человека, и ничем другим), и тут же начинает упрекать Ф.Т.Михайлова в том, что этот взгляд превращает человека в пассивный продукт среды, ведёт к утрате принципа активности психики и к тому подобным печальным результатам.

Вот вам и "умножение числа логических переходов". Попробуем в этих "переходах" разобраться чуть подробнее. Прочитайте статью Д.И.Дубровского ещё раз, и вы увидите, что боязнь утратить "принцип активности психики" вызвана у нашего оппонента одним очень чётко прослеживаемым обстоятельством. А именно: Д.И.Дубровский почему-то связывает феномен активности только с генетически врождёнными (по старой терминологии - априорно данными) формами работы мозга. Тот же факт, что активность психики могут обеспечить и благоприобретённые, т.е. специфически человеческие, формы деятельности человеческой головы (например, логические категории, нормы

нравственности и т.д. и т.п., вплоть до правил грамматики и синтаксиса), из поля его теоретического зрения совершенно выпал. И если это так, то муравей гораздо "активней", чем мартышка, а мартышка гораздо "активней", чем человек, и вся биологическая эволюция начинает выглядеть как процесс нарастания пассивности живых организмов. Не думаем, что эта идея очень уж плодотворна в смысле теоретического понимания эволюции.

До сих пор мы полагали, что, чем выше существо поднялось по лестнице эволюции, тем меньше формы его жизнедеятельности заранее определяются (предопределяются) строением нервных узлов, тем больше "степеней свободы" обретает организм в плане индивидуально-прижизненной приспособительной "активности". В качестве естественно-природного, биологического существа человек обладает этим достоинством в его максимуме, а муравей - в минимальной мере. Это научно удостоверенный факт, и странно, почему Д.И.Дубровский, упрекающий своих оппонентов в невнимании к данным науки, про него забыл.

Но если уже чисто биологическая эволюция связана с нарастанием универсальности "активности", т.е. с утрачиванием "частного", заранее ограниченного анатомией её характера, то более резонным кажется нам предположение, что человеческий мозг потому-то и обеспечивает человеческую психику, что способы его формирования в отношении специфически человеческих задач уже совершенно свободны от определяющего влияния чисто биологических, генетически врождённых, нейродинамических отношений, и связаны ими в минимальной мере. С этой точки зрения взглянем на проблему различия между "мозгом гения" и "мозгом идиота", которую поставил перед нами Д.И.Дубровский.

Д.И.Дубровский пишет, что "генетические структурные особенности мозга данного индивида должны в существенной мере определять те онтогенетические структурные особенности его мозга, ускользающие пока от прямого анализа, которые непосредственным образом ответственны за психологические особенности данного индивида" (там же, стр. 146). Думается, что это сказано очень верно, если иметь в виду именно "мозг идиота". Да, этот мозг в существенной мере связан в своей деятельности, способ его функционирования зафиксирован заранее анатомически. Поэтому мозг очень туг на учение, на усвоение специфически человеческих психических функций. А отсюда вытекает, что "мозг гения" - это и есть прежде всего просто нормальный в биологическом отношении мозг, "здоровый", с точки зрения врача, орган тела. С точки же зрения Д.И.Дубровского "мозг гения" - это такая же биологическая аномалия, как и "мозг идиота. А большинство нас, грешных, наделено среднестандартными мозгами, все мы суть нечто среднее, промежуточное между идиотами и гениями. Одни ближе сюда, другие - туда. Крайности редки, а гуще всего заселена серая середина, рядовой гражданин страны - это полу-идиот, полу-гений, т.е. ни то, ни другое. Гении же возвышаются, как одинокие вершины, над этой серой массой по чисто биологической причине, в силу аномального развития мозга, а "на дне" копошатся - и опять-таки по той же причине - полные, стопроцентные идиоты...

Вот такая весёленькая "модель" общества получается у нас, если смотреть на вещи с точки зрения гипотезы Д.И.Дубровского.

Термин "гений", которым так часто и неосторожно оперирует Д.И.Дубровский, требует некоторого пояснения. "Гений" - это не индивидуальная характеристика человека, каковой является "талант", а скорее определение, так сказать, удельного веса данного индивида в данной социальной среде. Потому-то в ранг "гениев" много раз возводились лица, превосходившие всех других своей грубостью, прямолинейностью, жестокостью и примитивностью психики, а вовсе не подлинной мудростью, человечностью и добротой. Какова "среда", таков и её "гений". Так что "гениев" мы оставим в покое и будем говорить о "талантах".

С нашей точки зрения, все люди, родившиеся с биологически нормальным мозгом (а "норма" включает в себя и предполагает ту самую индивидуально-неповторимую "вариабельность", про которую много говорит Д.И.Дубровский), в потенции талантливы, способны, одарены. И если до сих пор "талант" и "одарённость" кажутся редкостью, исключением из правила, то в этом повинна не матушка-природа, а совсем другие обстоятельства...

Нам думается, что талантливым становится любой человек с биологически нормальным мозгом, если ему посчастливилось развиваться в нормальных человеческих условиях.

Д.И.Дубровский, может быть, спросит нас, что следует понимать под "нормальными человеческими условиями". Мы ответим ему, что он затеял спор совсем не про это, и потому подробно разъяснять не станем, чтобы не уходить от темы, от сути нашего с ним спора. Скажем только, что о нормальных человеческих условиях развития говорить можно и нужно точно так же, как можно и нужно говорить о "норме" в медицине и нейрофизиологии. И хоть "норму" эту нелегко установить и там и тут, хоть границы между "нормой" и её нарушением трудно прочертить с такой же строгостью, с какой её можно прочертить между "гением" и "идиотом", норма эта всё же есть. Иначе ни к чему была бы медицина, и социальные науки тоже. И не надо, как это делают частенько любители лёгкой жизни в науке, уваливать от этого обстоятельства разговорами об "относительности" всяких норм. Относительность относительностью, а здоровый человек всё же отличается от больного. И для различения у нас имеется очень точный критерий. Пока сердце у вас здоровое, т.е. находится в пределах средней медицинской нормы, вы про него просто не вспоминаете. Точно так же дело обстоит и с головой, с мозгом.

То же самое и с "нормой" в области социальных условий развития человеческой психики. "Нормальными" тут вполне допустимо назвать условия, при которых индивиду предоставлены и обеспечены (как материально, так и морально) все возможности доступа к сокровищам человеческой культуры, в активном овладении которыми впервые возникает, формируется и совершенствуется психика, а мозг превращается в орган этой психики.

Коммунизм и есть программа создания таких условий для всех, т.е. для каждого индивида с медицински нормальным мозгом. Такие условия создаются в борьбе против ненормальных условий человеческого бытия и их защитников. И в этой борьбе очень важно строжайшее чёткое теоретическое понимание "нормы" как в медицинском, так и в социальном смысле, чтобы не путать одно с другим и не пытаться лечить социальные болезни средствами нейрофизиологии, и, наоборот, не пытаться врачевать органические нарушения в работе индивидуального мозга средствами социальной защиты от их психических последствий. А такая путаница случается чаще, чем это может показаться на первый взгляд. Из-за наличия этой путаницы и встаёт, собственно говоря, теоретическая проблема отношения мозга к психике. И нам думается, что позиция Д.И.Дубровского очень мало помогает теоретически разобраться в сложившейся ситуации.

Д.И.Дубровскому кажется, что его позиция имеет благородной целью защитить "индивидуальность" от угрозы нивелирующего влияния современной цивилизации на психику людей. В Ф.Т.Михайлове - Э.В.Ильенкове он усмотрел теоретических основателей этой тенденции, заподозлив их в злокозненном стремлении сделать всех людей стандартно одинаковыми. И усмотрел гарантию сохранения индивидуальных различий - в чисто биологических различиях их "генетических церебральных особенностей". Его беспокойство нельзя не понять: угроза стандартизации действительно существует в наш трудный век, век конвейеров и штампов массового производства. Но именно поэтому-то и нельзя ставить вопрос так абстрактно, как его ставит Д.И.Дубровский, т.е. не уточняя, во-первых, какую именно "индивидуальность" он собирается спасать, и, во-вторых, от какой именно социальной среды.

Ведь главное коварство нивелирующей тенденции в наш век заключается именно в том, что она имеет своим дополнением, больше того, внешней формой своего проявления, именно поощрение максимально пёстрого разнообразия в пустяках, в сугубо личных особенностях, никого, кроме их обладателя, не касающихся и не интересующих, и имеющих примерно то же значение, что и неповторимость почерка или отпечатков пальцев. На такую "индивидуальность" и на такое "разнообразие" никто ведь и не покушается. Совсем наоборот. Современная капиталистическая развитая индустрия проявляет бездну изобретательности, чтобы замаскировать унылое однообразие товаров ширпотреба, отштампованных на конвейере миллионными тиражами, какими-нибудь совершенно несущественными, но бьющими в глаза копеечными деталями, создающими иллюзию "неповторимости". То же самое и с психикой. Подобную "неповторимость" станет искоренять разве

что очень глупый, не понимающий своей выгоды конформист. Конформист поумнее и покультурнее станет её, наоборот, поощрять, станет льстить ей, чтобы легче заманить индивида в царство конвейера и стандарта. Ему очень даже выгодна такая "неповторимая индивидуальность", которая кичится своей непохожестью на других в курьёзных деталях тем больше, чем стандартнее, штампованнее и безличнее является психика в главных, в социально значимых проявлениях и регистрах. Это и есть та самая "особенность", которую французы окрестили когда-то презрительным словечком "эспесе". Такая "эспесе" расцветает всегда в период смертельного кризиса культуры, что блестяще понял уже Дидро в своём "Племяннике Рамо".

Настоящая же культура, находящаяся в расцвете своих сил, развивает индивидуальность совсем иного сорта и свойства. И понятно почему. Культура вообще, как давно и хорошо было сказано, состоит вовсе не в том, чтобы повсюду выпячивать и подчёркивать свою "особенность", свою непохожесть на всех других, а как раз в обратном - в том, чтобы уметь делать всё то, что умеют делать другие, но по возможности лучше. "Чем образованнее человек, тем меньше выступает в его поведении нечто только ему свойственное и именно потому случайное" (Гегель).

Только на этой почве - на почве культуры - и расцветает подлинная оригинальность, подлинная, т.е. специфически человеческая, индивидуальность, которая и называется на языке науки личностью. И плохо дело личности, если единственной гарантией её сохранения будет биологически врождённая особенность. При современном уровне техники значение этой особенности легко сводится к нулю. И пусть себе наслаждается этот нуль приятным сознанием неповторимости своих дезоксирибонуклеиновых субстанций. Никому это сознание не мешает. А помешает - и его можно будет усыпить с помощью фармакологии. А иной гарантии Д.И.Дубровский и не обещает. Иначе почему бы он спрашивал сторонников определяющей роли среды, думая уязвить их этим вопросом: "Непонятно только, почему примерно одна и та же среда порождает такое поразительное разнообразие личностей, диаметрально противоположные характеры и склонности, несовместимые психологические свойства" (цит. ст., стр. 134). А по-моему, совершенно понятно, почему это ему "непонятно". По той простой причине, что тут свалено в кучу всё: и те причуды вкуса, которые действительно связаны с тончайшими различиями индивидуальной биохимии (один наслаждается вкусом маслин и запахом резеды, а другого от них тошнит), и такие несовместимые психологические свойства, как, скажем, гений и злодейство, такие диаметрально противоположные характеры, как Моцарт и Сальери.

Среда - безразлично, какая именно, - мыслится при этом как некий тождественный себе штамп, который, дай ему волю, будет впечатывать в каждый мозг один и тот же образ, а люди с их мозгами - как биологически пассивный материал её однообразно штемпеляющей активности. И только благодаря некондиционности биологического материала отпечатки эти получаются разные, в чём Д.И.Дубровский и видит спасение от кошмара абсолютного тождества. Разумеется, если "среду" и "людей" понимать так, то аргумент Д.И.Дубровского и в самом деле может показаться убийственным. А что, если среда есть нечто конкретно-историческое, тогда как? Что, если она, хотя и "примерно одна и та же", представляет собою "единство во многообразии", т.е. многообразно расчленяется внутри себя на разные - и даже противоположные - сферы и моменты? Про это важное обстоятельство Д.И.Дубровский, кажется, начисто забыл. Так же, как и про то, что люди не "пассивные объекты воздействий" этой мистически однообразной "среды", а прежде всего активно действующие в рамках предложенных им культурно-исторических обстоятельств индивиды, и что предлагаемые им средой обстоятельства всего лишь "примерно одни и те же", а в рамках этого "примерно" очень и очень различны и даже противоположны.

Будем логичными. Если про среду сказали, что она "примерно одна и та же", то и про людей надо сказать, что они "примерно одни и те же". Тогда это будет верно. А если про людей говорится, что они разные, то надо быть справедливыми и по отношению к среде. А то в среде видят сплошное "одно и то же", а в людях - только различия. А потом непонятно, какая тут может быть "корреляция".

Так очень многое станет "непонятным" - не только различия людей, но и тот факт, Как эти люди, несмотря на их очевидные различия, всё-таки объединяются в один и тот же класс, в одну и ту же семью. Причём буквально, а не "примерно" одну и ту же... Из биологических различий удастся с

грехом пополам понять разве что только семью. Да и то не до конца, и далеко не в главных её "параметрах".

Не надо сваливать ответственность за социально обусловленные различия на ни в чём не повинную природу. Ни в психических различиях, ни в психическом тождестве людей она ни капельки не виновата. У психических явлений совсем иная "субстанция", чем у мозга, - человеческий труд, коллективная деятельность людей, преобразующая природу, в том числе и природу органического тела самого человека. Природа, создав мозг кроমানьонца, сделала всё, что могла, и сделала хорошо: создала чудесный орган, способный ко всему именно потому, что заранее, анатомически он не способен ни к чему, кроме одного - уникальной способности усваивать любые способы работы. А уж какое именно употребление мы из этого чудесного дара природы сделаем - это зависит от нас, и только от нас самих, от высоты развития нашей культуры. Вот и будем лучше заботиться о том, чтобы эта культура (и музыкальная, и философская, и врачебная, и всякая иная) была по возможности богаче и выше.

Рассуждая же по логике, предлагаемой нам Д.И.Дубровским, мы будем вынуждены заключить, что поскольку среда, воспитавшая такие пары психологически несовместимых характеров, как Моцарт и Сальери, как Демокрит и Платон, и т.д., была "примерно одна и та же", то подлинную и "самую глубокую причину" психологических и философских конфликтов между ними надлежит искать в различиях тех половых клеток, из которых вывелись указанные персонажи, в "особенностях" их биохимических структур, в мутациях - сдвигах внутри дезоксирибонуклеиновых молекул, а в конце концов - в "свободе воли электрона", управляемой только "принципом неопределённости", и т.д.. Далеко вглубь материи заведёт эта логика.

Не надо этого делать, не надо искать тут "связь". Впрочем, "связь" тут, конечно, была. В этом мы с Д.И.Дубровским готовы согласиться, сняв ещё один спорный пункт в его пользу. Но - в порядке взаимных уступок - попросим и его учитывать вперёд, что связь тут примерно такая же, как связь между землёй и земельной рентой или, если искать ещё более понятную аналогию, между красной свекловицей и музыкой.

Поэтому повторю опять, рискуя вызвать новые вопросы типа "откуда вы это знаете?", что искать "корреляцию" между строением мозга Платона или Демокрита и теоретическим составом их философских идей - значит заниматься абсолютно бессмысленным делом, и что бессмысленность этого занятия вытекает вовсе не из того печального обстоятельства, что Д.И.Дубровскому (а не только мне) неизвестны - и никогда не будут известны - "сравнительные исследования структуры мозга этих великих мыслителей", а в силу других, гораздо более веских, причин.

"Особенности", и прежде всего "генетические", мозга Демокрита и Платона, равно как и мозга их читателей и почитателей, их друзей и противников, как покойных, так и живущих ныне, не имели, не имеют и никогда не будут иметь ровно никакого отношения к особенностям тех философских систем, которые обозначены этими именами. Эти "особенности" как раз и представляют [собой] те самые индивидуально варьирующиеся детали, которые - и, может быть, именно их "вариабельности" - абсолютно безразличны в отношении состава философских и других систем. Они с одинаковой лёгкостью могут "обеспечивать" психические процессы, связанные с усвоением самых разных и даже прямо противоположных систем, понятий, концепций и гипотез.

Каемся, доказать этот факт окончательно, эмпирически, т.е. предъявлением сравнительных патологоанатомических диагнозов, мы не можем, как не может и Д.И.Дубровский нам доказать обратное. Однако выбрать одну из двух позиций нам всё же представляется возможным по основаниям, вполне достаточным и веским для теоретически мыслящего человека. Я вообще предпочёл бы не вступать в данный спор, если бы взгляды, развиваемые моим оппонентом, принадлежали бы только ему. Читая, однако, текущую литературу, так или иначе затрагивающую деликатную проблему отношения мозга к психике, я не раз имел возможность убедиться, что наши с Д.И.Дубровским разногласия - только частный эпизод, и что то же самое размежевание взглядов можно заметить на страницах не только специальных журналов, но и на полосах более широко читаемой прессы. Например, так же самая, по существу, дискуссия продолжается вот уже год на

страницах "Литературной газеты", Одна из представленных там сторон наверняка приняла бы в нашем с Д.И.Дубровским споре его, а не нашу позицию. Смысл этой позиции примерно тот же, что и в статье Д.И.Дубровского. Если выразить его кратко, оголив от ненужной и только маскирующей суть современной научной терминологии, то он сводится к следующему: Ламброзо, конечно, загнул, хватил через край, но что-то такое тут есть... "Нельзя, с одной стороны, переоценивать" (силы социальных причин преступности), "а с другой стороны, нельзя недооценивать" (биологически врождённой склонности некоторых индивидов к уголовно наказуемым пакостям). Так я понял, надеюсь верно, выступления Стручкова и Б.Утевского (Лит. газета, №48, за 1968 год). Этот поход против "устарелой догмы" о всесиии социальных факторов формирования личности был совсем недавно поддержан, к моему большому удивлению и огорчению, и заслуженным деятелем науки РСФСР профессором К.Платоновым, которого я хорошо знаю и очень уважаю за его ясный и здравый ум. Вне всякой связи с тем, что утверждал ранее, профессор К.Платонов вдруг написал: "Личность включает в себя как социально обусловленные, так и биологически обусловленные черты", а посему "правильно применяемое с позиций исправительно-трудовой психологии наказание должно формировать положительные социально обусловленные свойства личности и уменьшить отрицательное влияние биологически обусловленных свойств личности". Это я прочёл рядом с боевым призывом: "Строже наказывать - вот что надо!" (призыв этот принадлежит не К.Платонову, он просто напечатан рядом на той же странице (см. "Литературная газета", №38 за 1968)). Обидно стало мне тут за великую природу, за чудесную морфологию человеческого тела и мозга, на которую взвалили вину за все "отрицательные свойства личности", чтобы "положительные" поставить в заслугу социальным мерам защиты от злокозненных происков греховной плоти...

Станным образом и здесь позиция обосновывается заботой о личности, которую "забыли".

Да разве только это? А бесконечно повторяющиеся требования фуракции школьников на "одарённых" и "бездарных", на "способных" и "неспособных" - разве не на ту же теоретическую базу опираются и они? Единое, всеобщее, равное для всех политехническое образование - величайшее достижение нашего строя, и оно с разобранной нами точки зрения на мозг и психику тоже начало представляться кое-кому архаичной и даже "вредной" затеей. И нейрофизиологию приглашают сию позицию обосновывать, да ещё "точными математическими методами".

Есть от чего прийти в задумчивость.

На этом лучше пока поставить точку и предоставить читателю самому решать, какая из двух теоретически исключаящих друг друга позиций ему больше по душе, в какой из них можно надеяться найти опору для работы по созданию условий расцвета личности и, главное, какая из них опирается на действительные факты науки, а какая - на "язык науки", какая - на факты, могущие при нужде быть проверенными (т.е. в принципе воспроизводимыми в аналогичных условиях эксперимента, чего наука, безусловно, требует), а какая - на "смутные намёки", на "ускользающие пока ещё от прямого анализа", т.е. на никем и никогда не наблюдавшиеся, выдуманные "отношения", на догадки о генетических особенностях мозга давно скончавшихся музыкантов и философов да на убийственные аргументы вроде того, что из нас с вами нового Моцарта или Платона сделать нельзя, как строго нас ни наказывай...